

строчки», «За Вязьмой», «В тот день, когда окончилась война». Интересом писателя к устойчивости, статике действительности обусловлено то, что он избегает острой изобразительности, рядоположенности, резких монтажных стыков, столь характерных для литературы XX века. Твардовский всегда искал разрешенности той поэтической мысли, которой он задавался, но не за счет ее упрощения, свертывания, разрешения в облегчающее настроение. Напротив, он ведет часто долгую, обстоятельную беседу, с тем чтобы разрешить ее, как правило, в мысль более высокого, синтетического, порядка, как, например, в стихотворениях «Ни ночи нету мне, ни дня...» или «В тот день, когда окончилась война».

Конечно, «нормальность» поэтики Твардовского иная, нежели «нормальность» пушкинского творчества. Здесь иная цена этого «классицизма» — высокого спокойствия, достоинства поэтического изложения, устойчивости и цельности как мировоззрения и эстетических представлений, так и самого их воплощения в творчестве. Художественная практика XX столетия свидетельствует о чрезвычайной, подчас изощренной, парадоксальной сложности эстетических взглядов, творческого сознания, вплоть до утраты их цельности в модернистском искусстве. Чтобы противостоять напору стихийности, все убыстряющемуся темпу событий, художник должен был обладать в особой степени развитой «корневой системой», осознавать свою связь с национально-исторической и художественной традицией. В самом общем плане эта традиция может быть определена следующим образом: изображение действительности «с позиций человеческой души как активного жизненного начала»⁸.

«Нормальность» в эстетической системе Твардовского может быть интерпретирована как художественный результат величайшей энергии сопротивления злу, разрушению, трагизму действительности, ее энтропической инерции и как наука достижения внутренней свободы.

¹ Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 1980. Т. 5. С. 375. Далее номер тома и страница этого издания указываются в тексте статьи в скобках.

² Абрамов А. Масштаб поэзии, масштаб души // Октябрь. 1976. № 10. С. 198.

³ См.: Македонов А. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги. М., 1981. С. 50, 51.

⁴ Чупринин С. Чему стихи нас учат. М., 1982. С. 16.

⁵ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 4.

⁶ Чупринин С. Указ. соч. С. 16.

⁷ См.: Акаткин В. А. Твардовский. Стих и проза. Воронеж, 1977. С. 68.

⁸ Адмони В. Поэтика и действительность. Л., 1975. С. 283.

Г. С. ЧЕРНОВА

ОЦЕНКА ИДЕАЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И А. М. ГОРЬКОГО

Творчество Ф. М. Достоевского оказалось в начале XX века в центре острой идеологической борьбы, которая была обусловлена общественно-политической ситуацией и духовной жизнью России того времени. В сложное и противоречивое время подготовки и проведения первой русской революции, а затем в период реакции, последовавшей за ее поражением, интеллигенция зачастую искала у Достоевского нравственные ориентиры, способные помочь ей разобраться в происходящих событиях и объяснить смысл ее собственного бытия. Реакционные писатели Л. Шестов, Д. Мережковский, С. Булгаков называли Достоевского «певцом подполья», «пророком новой религии», проповедником «христианского смирения», противником социализма и «безрелигиозного анархизма». Молодая марксистская критика решительно выступила против попыток идеологов буржуазии превратить имя великого писателя в знамя мистики, реакции и аполитичности. Особое место в дискуссиях о творчестве Достоевского, развернувшихся между реакционно-идеалистической и

марксистской критикой, занимает проблема его идеала, в оценках которого отразились как представления обеих сторон об идеале своего времени, так и их политические позиции.

Первым в марксистской критике обратился к творчеству Достоевского А. В. Луначарский. В 1902 году была опубликована его статья «Русский Фауст», которая явилась откликом на весьма шумевшую лекцию С. Н. Булгакова «Иван Карамазов как философский тип». Автор этой «умилительной, трогательной и блестящей маслом лекции»¹ пытался представить героя Достоевского олицетворением религиозных и метафизических исканий русской интеллигенции, ее «больной совестью». «Больная совесть», по Булгакову, — это благородная болезнь интеллигенции, заставляющая ее искать пути к «духовному подвигу» и нравственному самосовершенствованию, не имеющему ничего общего с политикой. Карамазовский же вопрос о цене «мировой гармонии» рассматривался им только как этический. Луначарскому ясно, что Булгаков, опираясь на авторитет Достоевского, утверждает идеал социально-пассивной религиозной личности. Поэтому критик-марксист спорит с его трактовкой карамазовской проблемы, критикуя при этом и автора «Братьев Карамазовых». Герой Достоевского, в оценке Булгакова, становится для Луначарского поводом к размышлению об идеале личности в период подготовки первой русской революции. Суть карамазовской проблемы, считает Луначарский, сводится к дилемме: «Стоит ли жить вообще? А если жить, то как, для себя или для других?»² «Жить для других» — это значит участвовать в революционной борьбе, которая раскрепощает все творческие и жизненные силы человека, создает подлинно свободную личность борца и творца. В представлении же Ивана Карамазова свобода есть неограниченное нравственным законом право жить для удовлетворения своих узкоэгоистических интересов. Вопрос о цене «мировой гармонии» представляет собой, по мнению критика, не что иное, как попытку философски оправдать заботу мещанина о самосохранении. Это же обывательское стремление жить для себя лежит и в основе карамазовской теории «вседозволенности». Именно поэтому, считает Луначарский, Достоевский и боится революции: его пугает духовное раскрепощение личности, которое может привести к воплощению этой теории в жизнь. Неверие в нравственные и творческие силы человека, в его способность изменить мир и привело писателя в лоно религии. Однако Луначарский ошибочно смешивает булгаковский идеал трусливо-эгоистической личности с идеалом Достоевского, который представлялся великому романисту нравственно-прекрасным человеком, способным пожертвовать жизнью ради достижения благородных целей и несущим людям идеи любви и братства. Величайшее счастье видел он в том, чтобы «отдать свое «Я» целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно»³.

В споре с Булгаковым Луначарский выделил только одну сторону мировоззрения Достоевского — религиозность. Поэтому и его нравственный идеал он расценивал как апологию смирения и покорности надоблачным и земным авторитетам.

Борьбу с идеалом «упадочного мещанства», начатую Луначарским, продолжил А. М. Горький. Своим творчеством начала XX века он воспевал героическую, способную к сознательному революционному подвигу личность. В статье «Заметки о мещанстве», которая появилась в печати в октябре 1905 года, т. е. в момент первой русской революции, Горький пишет: «Толстой и Достоевский — два величайших гения, силою своих талантов они потрясли мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы». Но тут же заявляет: «Вся наша литература — настоящее учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно. Иной не может быть литература мещан, даже если художник гениален». Горький, таким образом, не находит в ней настоящего героя, потому что миропонимание рабочего, «истинного и законного хозяина жизни... в русской литературе не отражалось»⁴. Горь-

кий был прав, что сама жизнь создала к 1905 году нового героя, способного к революционному подвигу, и этот герой должен был прийти в литературу. Однако неисторический подход к творчеству писателей XIX века приводит автора статьи к ошибочному выводу, что они, не прославив идеал героико-революционный, воспели идеал мещанский. Понятно, что и Достоевский представлялся Горькому «художником-мещанином». Важно, однако, уточнить, как понимал Горький слово «мещанин»⁵. Он называл мещанином в первую очередь представителя буржуазии, готового ради собственной выгоды предать интересы революции. С другой стороны, мещанство, по Горькому, — это «строй души господствующих классов», т. е. идеология, оправдывающая частнособственнический буржуазный строй «проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания»⁶. В призыве Достоевского «смирись!», прозвучавшем в Пушкинской речи, и открывался Горькому писатель, утверждающий мещанскую идею самоспасения. Но «спасение животишек» есть, по убеждению Достоевского, «панически-трусливая», буржуазная, «самая бессильная и самая последняя идея из всех идей, единящих человечество»⁷. К смирению во имя личного благополучия он никогда не призывал. В этом смысле идеологом мещанства Достоевский быть не мог. Другое дело, что его призывом «Смирись, гордый человек!» не раз пользовались реакционные круги для сдерживания очередной волны революционных настроений в России. Пролетарский писатель приходит к выводу, что в определенные исторические моменты «социальная педагогика» Достоевского становится опасной, поскольку идеологи буржуазии используют его религиозно-философские заблуждения для оправдания своих контрреволюционных идей. Выход в свет печально известного сборника «Вехи», авторы которого объявили о необходимости «примирения с государством», подтвердил эту мысль Горького. «Идейные вожди целого общественного направления»⁸, напуганные социальной активностью масс, пытались скомпрометировать героев революции, посвятивших свою жизнь борьбе с силами реакции и самодержавия. В статье «Героизм и подвижничество» С. Булгаков намеренно смешивает идеал героической личности с ницшеанским идеалом сверхчеловека. Ради осуществления своей цели революционер, по его мнению, освобождает себя от общечеловеческой морали, присваивая право не только на имущество, но и на жизнь простых смертных. Это, подчеркивает он, предсказал еще Достоевский в «Преступлении и наказании» и «Бесах». К «духовному самоотречению, к жертве своим гордым интеллигентским «я» во имя высшей святости призывал Достоевский в своей Пушкинской речи», — пишет Булгаков⁹. В этой связи становится понятным, почему Горький в «Заметках о мещанстве» назвал призыв «терпи» «постыдным и уродливым», а в статье 1909 года «Разрушение личности» — «обидным для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению злу, к бою за свою цель»¹⁰. Но следует еще раз внимательно прочитать тот отрывок из речи о Пушкине, который столь резко критиковал Горький.

«Гордый человек», по Достоевскому, — это гениально угаданный Пушкиным тип «русского скитальца», обусловленный самым ходом истории России. «Русский скиталец» мечтал о счастье всего человечества, но «чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду»¹¹. Следовательно, гордость, в понимании Достоевского, — это крайний индивидуализм, который человек преодолевает только неустанным трудом над собою. «Сломить свою гордость» — это призыв Достоевского к «образованному меньшинству» осознать себя частицей народа, служить народу, ибо только в единстве с ним интеллигент обретет подлинную свободу и настоящее счастье. Великое дело преобразования жизни даже талантливый, умный, совестливый человек в одиночку, в отрыве от народа осуществить не сможет. Эта мысль в 1880 году имела особую важность, ибо, подчеркивает Г. М. Фридлендер, «трагедия большинства социалистов и революционеров эпохи Достоевского была в том, что все они в той или иной мере всегда в конце концов возвращались на гибельный, роко-

вой путь разрыва между личностью и массой»¹². Таким образом, не признавая «гордого человека», т. е. индивидуалиста, за идеал совершенства, Достоевский, фактически, является единомышленником Горького, который в своих произведениях не раз указывал на трагические последствия противопоставления личности коллективу.

Другая сторона этого вопроса — призыв к нравственному «самосовершенствованию» на основе христианского идеала. За него и ухватились сначала Д. Мережковский, затем «веховцы», стремясь оправдать отказ от политической борьбы с современным общественным устройством. Но именно о том, чтобы переделать мир, и мечтал Достоевский. Он видел в самосовершенствовании каждой отдельной личности путь к совершенствованию общества в целом. Конечно, идеалистичны и иллюзорны надежды Достоевского на то, что, став истинными христианами, господствующие классы добровольно уступят трудящимся свои привилегии. История показала, что «клик мира сего» может изменить только социалистическая революция. Тем не менее призыва к религиозному терпению в его словах «Смирись, гордый человек!» нет. Горький их слишком прямолинейно понял. Отсюда и резкость его суждений о нравственном идеале писателя.

Ранние статьи о Достоевском Луначарского и Горького свидетельствуют о том, что марксистская критика в первое десятилетие XX века еще не овладела методологией изучения его художественных произведений и публицистических выступлений. Метафизический, лишенный исторического и социального анализа подход к идеалу Достоевского привел к односторонности его оценки обоими критиками. Но их статьи продолжают занимать важное место в истории марксистского литературоведения, так как в них впервые было указано на то, что понять Достоевского можно, только очистив его идеи от буржуазно-идеалистических извращений.

¹ Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 206.

² Луначарский А. В. Русский Фауст // Против идеализма. М., 1924. С. 12.

³ Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 173.

⁴ Горький А. М. Собр. соч. Т. 23. С. 352, 354, 355.

⁵ Овчаренко А. Публицистика М. Горького (1905—1907) // М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., 1957. С. 313—314.

⁶ Горький А. М. Собр. соч. Т. 23. С. 354.

⁷ Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 167.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167.

⁹ Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. СПб., 1909. С. 49.

¹⁰ Горький А. М. Собр. соч. Т. 24. С. 53.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139.

¹² Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1979. С. 28.

И. Т. ИЩЕНКО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦИТАТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Для сатирической поэтики Щедрина характерен прием употребления образных выражений не в прямом, а в переносном смысле. Одним из ярких примеров реализации этого приема является ироническое переосмысление писателем крылатых выражений и литературных цитат.

Произведения сатирика густо насыщены разнообразными афоризмами и цитатами. Это и евангельски-библейские афоризмы, и афористические изречения великих мыслителей прошлого, и крылатые латинские слова и выражения, и «освященные вековым опытом» русские пословицы и поговорки, и пародийные изречения Козьмы Пруткина, и сентенции и назидания «поденщиков» и «прихвостней современности» и мн. др. Особое место среди них занимают цитаты и реминисценции из произве-